

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев

*к.э.н., н.с., Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург),
Департамент государственного администрирования Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

«РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»: 20-я ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИЗ ЦИКЛА «ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Аннотация. В работе представлен обзор прошедшей 10–11 сентября 2021 г. 20-й ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения» по проблеме «Региональная экономика и региональная политика». Большой интерес вызвал доклад известного специалиста по экономической географии Н.В. Зубаревич, в котором рассматривались последствия Covid-19 для регионов России. Много внимания участники конференции уделили демографическим проблемам. В центре внимания здесь оказалось выступление Ю.В. Латова, в котором он убедительно показал неэффективность демографической политики. В самом бедном регионе России — СКФО — самый большой естественный прирост населения, и, напротив, в богатом ЦФО он наименьший. Докладчиком предложено стимулировать рождаемость в успешных семьях. Проблемы домохозяйств и стимулирования рождаемости обсуждались также в докладах Р.М. Нуреева и Е.А. Капогузова, которые придерживаются иных, по сравнению с Ю.В. Латовым, позиций. Л.Э. Лимоновым и М.В. Несеной была раскрыта картина эволюции городов на протяжении всей истории России. В.Л. Тамбовцев анализировал применение институционального подхода к региональным стратегиям развития. П.А. Ореховский предложил новые критерии оценки при составлении рейтинга российских регионов. Е.А. Коломак отметила, что миграция внутри России идет с периферии в центр, с востока на запад и из регионов с добывающей промышленностью в регионы с обрабатывающей промышленностью. С.П. Земцов представил исследование распределения предпринимательской активности по регионам РФ, а А.И. Пузанов познакомил участников конференции с социально-экономическим развитием городских агломераций. Завершил конференцию доклад В.Э. Гордина и А.К. Поломарчук о культурных кластерах и их особенностях.

Ключевые слова: *регионы, города, агломерации, кластеры, миграция, демография.*

JEL: R50, R53, R58, Z1.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_150_158.

Конференцию открыл доклад широко известного экономгеографа, дгеогр.н., профессора Н.В. Зубаревич (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) «Регины России в ковидный кризис и выход из него: экономика и бюджеты». Он начался констатации, что выход из кризиса 2015–2016 гг. не завершился: не восстановились инвестиции, доходы населения и потребление. Кризис 2020 г. — это сильный спад во II квартале, к концу года восстановилась только обрабатывающая промышленность. В 2021 г. наблюдалось быстрое восстановление во II квартале (эффект базы).

Что касается регионов, то общие итоги ковидного кризиса таковы. Во-первых, в промышленности сильнее всего пострадали добывающие регионы и они медленнее выходят из спада (кроме угольных). Во-вторых, поскольку услуги концентрируются

в крупных городах, то спад в них был очень сильным не только по причине локдаунов, но и из-за падения доходов населения. Во многих регионах выход из спада в этой сфере завершился в конце I полугодия 2021 г. В Москве наблюдался фантастический рост общепита (в 1,5 раза!). В-третьих, более сильный рост безработицы наблюдался в крупных городах (сектор услуг), но он был кратковременным. В-четвертых, не было заметных региональных различий в спаде доходов населения. При этом признавалось, что статистика здесь не очень достоверная. И, наконец, в-пятых, сильный удар по бюджетам в первую волну пандемии был только в четверти регионов, зависящих от налога на прибыль. В 2021 г. в силу эффекта низкой базы идет быстрое восстановление.

В области бюджетной политики наиболее непонятным явлением стала ничем не объяснимая дифференциация дополнительных трансфертов регионам. Так, собственные доходы Московской области выросли на 15,9 млрд руб., и в то же время она получила максимальную прибавку трансфертов, равную 50,2 млрд руб. С другой стороны, собственные доходы Тюменской области снизились на 56,1 млрд руб., а прибавка трансфертов составила только 7,1 млрд руб.

Общий вывод докладчика таков: выделить наиболее и наименее пострадавшие регионы невозможно. Есть только один субъект, где большинство индикаторов улучшилось в ковидный кризис — это Чукотский АО.

Доклад профессора Л.М. Григорьева (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») был озаглавлен «Образ жизни в мире после пандемии: новая нормаль *Urbi et Orbi*?». Автор признал, что данное название чересчур амбициозно. На самом деле имеет смысл рассказать о надежных сдвигах. При этом надо опираться на доступные факты и «стилизовать их». Пандемия как необычный триггер породил необычную реакцию в сфере макрофинансов с огромным фискальным стимулом и низкими ставками. Главное: рецессия имеет место без *liquidity crunch* (краха ликвидности) — с ростом курсов акций и стоимости финансовых фондов, ростом вложений в недвижимость, снижением банкротств. Итогом стало увеличение социального неравенства по активам.

Реакция образа жизни семей на пандемию и рецессию разделена по слоям. Во-первых, массовые небогатые: сжатие массовых услуг и потеря дохода (но компенсации от бюджетов). Во-вторых, средние (3-4 квинтили) — потеря отпусков, рекреации и уход в он-лайн, вынужденные сбережения и вложения в недвижимость. В-третьих, состоятельные слои: от 10 дециля в развивающихся странах до 8-10 в США — реинвестирование сбережений, сложные схемы рекреации, вложения в недвижимость, фондовые рынки.

Государства предложили большое временное перераспределение бюджетов (в долг) в пользу бедных, хотя де-факто — состоятельным. Попытка «равенства» постепенно стала появляться в доступе к вакцинам, — хотя не от «справедливости», а вынужденно — даже в развитых стран.

«Система городов России: особенности эволюции и современные вызовы». Это исследование было представлено генеральным директором АНО МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», д.э.н., профессором Л.Э. Лимоновым и ст. научным сотрудником МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», к.э.н. М.В. Несеной. Основными поднятыми в докладе вопросами стали эволюция российской системы городов, унаследованные и новые проблемы городов, особенности российской урбанизации, различия между большими и малыми городами России, группы городов с разными траекториями развития, особенности российских агломераций. Рассмотрение эволюции российских городов охватывало весь исторический период их становления. Было отмечено, что на последнем этапе (1991–2017 гг.) появились 76 новых городов, при этом 20 городов исчезли по причине включения их в более крупные города и превращения в посёлки городского типа и посёлки сельского типа.

Рассматривалась правомерность применения закона Ципфа к системе российских городов¹. Был сделан вывод о том, что он не выполняется. К проблемам российских городов относятся большие расстояния между городами, устаревшая инфраструктура и недостаточно развитые транспортные системы, низкие темпы капремонта жилья и обветшание жилого фонда, низкая плотность городской застройки и её расползание, гипертрофия промзон, экология и благоустройство, сохранность исторического наследия.

Более 40% городского населения России проживает в малых или относительно небольших городах (меньше 300 тыс. чел.). Из них только 25%, то есть 265 городов, демонстрируют относительную устойчивость по численности населения или рост. Население малых и средних городов России отличается от населения крупных и крупнейших городов не только по уровню доходов на душу населения и другим объективным показателям благополучия, но и по субъективным оценкам благополучия и здоровья, а также по основным жизненным установкам и ценностям.

Выявлено принципиальное различие в динамике экономического развития между городами с населением до и более 250 тыс. жителей. Причем внутри группы «малых» городов установлены следующие зависимости: чем меньше город, тем выше в среднем темп роста зарплаты в нем и тем ниже темпы роста населения. Жители «малых» городов в большей мере ждут от государства выполнения задач, связанных с обеспечением «всеобщего благосостояния». Они более привязаны к стране и сильнее ориентированы на традиции, чем жители «больших» городов.

Выделено более 20 агломераций. В России под агломерациями понимают территории, объединяющие несколько муниципальных образований, связанных между собой миграционными и транспортными потоками и образующими единую социально-экономическую систему. Концентрация большого числа людей на компактной территории не обязательно создает агломерационные эффекты, поэтому политика укрупнения существующих крупнейших городов должна быть подкреплена мерами, способствующими формированию агломерационных эффектов.

Профессор экономической географии, директор по исследованиям и инновациям Школы географии и планирования Университета Кардиффа Роберт Хаггинс представил разработку по теме «Города и будущее инноваций: предпринимательство, экосистемы и кризисы». Она базируется на двух сериях интервью с индивидами, которые могут быть определены как агенты инноваций. Они представляли 6 городов: Берлин, Лондон, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Шанхай и Токио.

В итоге были сделаны следующие выводы.

Предпринимательские экосистемы в больших городах не только обладают адаптивными качествами, но применение в них новых технологий позволяет поддерживать инновационные мощности и способности.

Наряду с адаптивной способностью, экосистемы становятся все более сложными в виде сетей и связей, охватывающих города и регионы различных размеров.

Экосистема — это распределенная и диффузная пространственная модель инноваций. При этом различные типы локаций играют различную роль в иерархии городской инновационной сети.

Глобальные города являются хабами этих распределенных сетей и остаются на вершине иерархии, однако и города второго уровня становятся все более активными в качестве локаций инноваций.

Предпринимательские инновации представляют организационные характеристики, которые останутся в центре экономического развития. В то же время это в значительно

¹ Этот закон характеризует пространственное распределение населения в городской системе: город с самым большим населением в любой стране в два раза больше, чем следующий по размеру город, и так далее.

меньшей степени относится ко многим локациям, которые изначально старались остаться устойчивыми в условиях истощающихся финансов и других ресурсов.

Свидетельства говорят о том, что отстающие локации должны фокусироваться на выработке и воплощении движимой предпринимательством стратегии развития экономики, которая сама образует каркас, поддерживающий становление предпринимательских инновационных экосистем.

Приглашенный профессор Института географических наук и исследований природных ресурсов (IGSNRR) Китайской академии наук, почетный профессор Школы глобальных исследований Университета Сассекса Майкл Данфорд посвятил свое исследование развитию Китая. Оно было озаглавлено им «Рост, неравенство и территориальное развитие в Китае: от “пусть некоторые люди и места сначала разбогатеют” до “общего процветания”, “новой урбанизации”, “оживления сельских районов” и “экологической цивилизации”». Фактически данный заголовок содержит в себе краткую аннотацию презентации.

С позиции территориального развития интерес представляет то обстоятельство, что Китай принял новую систему территориально-пространственного планирования: развитие кластеров в ряде регионов, реформа социального обеспечения (например, распространение медицинского страхования на сельские регионы), «умные города» и уплотненное энергоэффективное жилье, солнечные технологии, экологическая цивилизация и, наконец, программа оживления сельских районов (2017 г.).

Доклад д.э.н., профессора, заведующего отделом территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН Е.А. Коломак «Механизмы и факторы пространственной дивергенции (конвергенции) в России в современных условиях» обратил внимание на то обстоятельство, что факторы, определяющие пространственные трансформации в России, имеют рыночную, технологическую и агломерационную природу. К ним относятся емкость и доступность внешних рынков, наличие крупных городских центров, концентрирующих ресурсы развития и извлекающих выгоды масштаба производства и разнообразия товаров и услуг.

Пространственное распределение факторов и результатов развития современной России меняется. Общая концентрация экономической активности сопровождается миграцией из периферии в центр, с востока на запад и из территорий добывающей специализации в регионы обрабатывающей ориентации. Темпы данных процессов не очень высокие и можно говорить, скорее, об эволюционной динамике. Эта эволюция усиливает центр-периферийную модель развития.

При существующем достаточно высоком уровне межрегиональных различий в сочетании с низкой плотностью населения и иерархической центр-периферийной моделью экономического пространства продолжение данных тенденций создаст проблемы связности и интегрированности. Эта проблема стоит, главным образом, перед восточными территориями, где значительная часть пространства имеет не только дезинтегрированный, но часто очаговый характер освоения.

Исследование по теме «Региональное регулирование развития семейных домохозяйств: зарубежный опыт и проблемы его использования в России» профессора, д.э.н. Р.М. Нуреева (Финансовый университет при Правительстве РФ) демонстрировало международный опыт демографической политики (США, Германия) и анализ его применимости к России. Прозвучал вывод о том, что в России происходит повторение немецкой ошибки: предусмотренные в национальном проекте «Демография» целевые индикаторы предполагают прирост суммарных коэффициентов рождаемости. В документах не учтены институциональные особенности регулирования рождаемости в субъектах РФ, а также межрегиональные миграционные процессы. Создание предусмотренной национальным проектом социальной инфраструктуры в регионах РФ не сможет ликвидировать различия в социально-экономических условиях рождения и воспитания детей.

В результате возникают схожие с Германией демографические риски депопуляции отдельных территорий, а также рост рождаемости в крупных агломерациях. В свою очередь, рост городских агломераций приводит к усложнению брачного рынка и расслоению института брака под влиянием пересечений множества культурно-ценностных норм. В данных условиях находят свое место нетрадиционные (современные) формы семейных отношений, в контексте которых реализуются более быстрые и упрощенные практики построения семьи.

Итоговый вывод заключался в утверждении, что российский «заповедник» традиционных семейных ценностей рискует получить статус провинциального по германскому сценарию.

Разговор о демографических проблемах продолжился в докладе д. соц. н., профессора Ю.В. Латова (главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН) «Стимулирование рождаемости или роста человеческого капитала? Общероссийские тренды и региональные особенности российской демографической политики».

Автор исходил из того, что теория демографического перехода доказывает, что стимулирование рождаемости — ложная цель, а истинная — увеличение, в соответствии с теорией, социального капитала, и что эти две цели противоречат друг другу.

Снижение рождаемости в постсоветский период рассматривается как проявление «провала» модернизации. На самом деле, вопреки обвинениям постсоветских режимов в организации «вымирания россиян», тенденция к сокращению численности населения России характеризует нашу страну как достаточно передовую страну, которая полностью (как и развитые страны Запада) завершила в XX в. весь цикл модели демографического перехода.

Далее речь шла об ошибочности политики материального стимулирования рождаемости. В её основе лежит убеждение, будто детей, родившихся в бедных и неблагополучных семьях, можно будет потом «пропустить» через систему образования и получить квалифицированных работников. На самом деле современные теории социального капитала и сигналов на рынке труда доказывают ограниченные возможности школ и вузов играть роль социальных лифтов. Поэтому, когда российские власти оказывают помощь, прежде всего, малоимущим и неполным семьям с детьми, то они создают проблемы для будущего России.

Отмечается, что самый высокий естественный прирост населения в России в самом бедном и малоурбанизированном федеральном округе — СКФО (6,8%), а самый низкий — во втором по богатству ЦФО (-2,9%).

Провозглашается необходимость «перезагрузки» демографической политики. Необходимо отказаться от политики стимулирования рождаемости по принципу «числом поболее, ценою подешевле» и перейти к политике стимулирования рождаемости главным образом в семейных домохозяйствах среднего класса по принципу «лучше меньше, да лучше». Тем самым ориентация на рост населения заменяется ориентацией на повышение человеческого капитала².

Главная конструктивная идея — необходимость дифференцировать стимулы к деторождению для разных социальных групп. Самыми высокими они должны быть для «хороших семей» — семей работников-специалистов, где супруги имеют высокое образование

² Такой подход характерен для многих экономистов, которые, следуя логике нобелевского лауреата Г. Беккера, рассматривают решения о продолжении рода как семейные «долгосрочные инвестиции», способствующие росту «человеческого капитала». Как отмечал П. Бурдьё, «...Беккер... давно уже старается объяснять этой моделью такие виды поведения, как брак, не ведая страха и ровным счётом ничего не зная о работах антропологов, теоретиков родства и т.д., он предложил теорию брака выписанную в категориях издержек, выгод и потерь» (Бурдьё П. (2019). Экономическая антропология: курс лекций в Коллж де Франс (1992–1993). М.: ИД «Дело» РАНХиГС. С. 14–15). Трудно сказать, привела бы подобная переориентация государственной демографической политики к росту общественного благосостояния — по очевидным причинам, такие дискриминационные решения до сих пор нигде не реализовывались. — *Прим. ред.*

и доходы, соответствующие уровню среднего класса. Для «плохих семей» стимулы должны быть низкими или нулевыми. Для стимулирования предлагается использовать не только денежное стимулирование семьи, дифференцированное по регионам и основанное на балльной оценке характеристик супругов, но и стимулирование свободным временем за счёт расширения женской дистанционной занятости и пенсионных льгот за «успешных» детей.

Обсуждение демографических проблем завершилось выступлением д.э.н., доцента Е.А. Капогузова (Омский государственный университет им. Ф.А. Достоевского) на тему «Региональная специфика семейной политики: от поливариантности к гармонизации». В нем говорилось, что начиная с 2011 г. отмечается возрастающий тренд по государственным расходам в сфере семейной политики: уже в 2019 г. расходы на охрану семьи и детства выросли во всех субъектах РФ в 1,5 раза, что однозначно не является следствием будущей пандемии. Таким образом, несмотря на фрагментированность семейной политики, она является последовательной. Однако COVID-19 привнес целый ряд непредвиденных обстоятельств, которые способствовали превращению семейной политики в «административный фетиш».

В России большая часть состоящих в зарегистрированном браке получает до 25 тыс. руб., тогда как для состоящих в незарегистрированном браке доля получающих 25–35 тыс. руб. также высока, однако их объём резко сокращается в более высокодоходном сегменте.

Результаты подтверждают основную причину низкого уровня рождаемости в России — невысокий уровень доходов россиян, при котором далеко не многие готовы регистрировать брак и заводить детей вопреки своему благосостоянию. Параметр субъективной бедности и его связь с отношением фактического дохода к прожиточного минимуму формируют социальный фон российской семейной политики и декларируемый «ценностный кризис».

Итогом исследования явились следующие выявленные зависимости:

Зависимости между бюджетными расходами и рождаемостью

Бюджетные расходы	Влияние семейной политики на рождаемость (при низких бюджетных расходах)	Влияние рождаемости на семейную политику (при низких бюджетных расходах)
1002 Социальное обслуживание населения	Обратная зависимость	
1003 Социальное обеспечение населения	Обратная зависимость	Прямая зависимость
1004 Охрана семьи и детства	Обратная зависимость	Прямая зависимость
0701 Дошкольное образование	Прямая зависимость	
0707 Молодежная политика	Обратная зависимость	
0900 Здравоохранение	Прямая зависимость	Обратная зависимость

Источник: разработано Е.А. Капогузовым.

Д.э.н., профессор В.Л. Тамбовцев (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) рассматривал «Институциональный подход к региональным стратегиям развития». Теорию какого-либо объекта или процесса он предложил называть институциональной, если её предмет представлен как совокупность действий и взаимодействий людей, происходящих внутри совокупности институтов, — и прямо задающих рамки их действий и взаимодействий, и тех, которые влияют на первую группу институтов.

Институциональная теория планирования (ИТП) трактует планирование как последовательность (взаимо)действий плановиков и стейкхолдеров, их деятельности, в ходе производства непосредственных и конечных результатов планирования. Эти взаимодействия осуществляются под влиянием стимулов, возникающих во внутренней и внешней институциональной среде системы планирования. Тем самым ИТП интегрирует два аспекта планирования: содержательный и процедурный, поскольку институты влияют и на правила разработки планов, и на их цели.

В публичном секторе понятие «успех на рынке» отсутствует. Если автономность организаций публичного сектора (региональных и местных властей, государственных и местных организаций) имеет формальный характер, т.е. фактически отсутствует, ожидать появления в них стратегий, нацеленных на улучшение предоставляемых публичных услуг, не приходится.

Институциональный подход позволяет обратить внимание на аспекты стратегического планирования, которые ранее не привлекали большого интереса исследователей. Очевидно, полезность любой стратегии подтверждается только положительными последствиями её реализации. Если публичная организация, — например, региональные органы государственного управления, — фактически лишена автономии (регион является дотационным), в ней может возникнуть только квазистратегия. Её «сверхзадача» — максимизировать поступление средств из центра для решения актуальных региональных проблем, на которые не хватает собственных бюджетных средств. Если вследствие формирования стратегии такие средства удастся получить — стратегия, безусловно, полезна для региона (или любой иной публичной организации). При этом методика разработки стратегии не имеет значения.

К.э.н. С.П. Земцов (директор Центра экономической географии и регионалистики РАНХиГС) сосредоточился на проблеме «Развитие предпринимательства в регионах России». В результате её исследования были сформулированы следующие выводы.

В политике не учитывается высокая региональная дифференциация предпринимательской деятельности.

На малые и средние предприятия (МСП) влияет доступность рынков, капитала и инвестиционные риски (спрос, деньги и страх).

Важны региональные институты; прослеживается зависимость предпринимательской деятельности от предшествующего развития.

Наиболее развитые предпринимательские экосистемы в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Белгородской, Калининградской, Самарской областях, Татарстане и др., а наименее развитые — в районах с высокими издержками ведения бизнеса: Северный Кавказ, Дальний Восток и арктическая зона.

Есть объективные географические факторы, которые трудно преодолеть мерами политики: доступ к рынку, транспортные издержки, энергозатраты и т.д.

Формальные институты улучшались с 2016 г., но сохраняются ограничения с точки зрения социокультурных и иных неформальных норм и правил.

Непредсказуемость госполитики (антисанкции, хостелы, снос павильонов, повышение соцвыплат и т.д.) вела к уходу «в тень» и дроблению фирм.

Много мер, инструментов, но нет экосистемной политики в регионах.

Местные власти не заинтересованы в развитии МСП из-за малой налоговой отдачи, а местные бизнесы не хотят платить налоги «в Москву».

В докладе д.э.н., профессора П.А. Ореховского (Институт экономики РАН) «Эффективность российской пространственной структуры распределения богатства (2000–2018 гг.)» представлены построенные рейтинги инвестиционной привлекательности, которые существенно отличаются от имеющихся (РА-Эксперт, агентство Fitch). Проведенные расчёты рейтингов связаны с капиталотдачей и запасами, в то время как действующие методики в основном учитывают потоки и доходность частного капитала и т.д.

Потенциал сложившейся территориальной структуры в основном исчерпан, прежние региональные лидеры уже «замедлились» и будут «тормозить» дальше. Кроме собственно экономических причин, на это будет влиять и ориентация бюджетной политики на электоральный цикл, а также общеизвестное противоречие между долгосрочными и краткосрочными целями экономической политики. Традиционные мероприятия типа «программы реновации» и/или расширения ипотеки принесут крайне ограниченный эффект с точки зрения ускорения роста.

Резервы роста любой пространственной (и отраслевой) структуры исчерпываются, замедление роста является естественным. Прогрессистские взгляды «первой России» (по Н. Зубаревич) способствуют осуществлению политики правительства, направленной на поддержку и развитие прежних «локомотивов роста», что в условиях сохранения прежней структуры еще сильнее замедляет рост и способствует стагнации.

К. геогр. н., генеральный директор Фонда «Институт экономики города» А.И. Пузанов познакомил участников конференции с исследованием по теме «Современные тенденции социально-экономического и градостроительного развития крупнейших городских агломераций России». Его основные выводы заключались в следующих положениях.

Проблемы не комплексности законодательного регулирования агломерационного строительства не блокируют реализацию проектов развития агломераций, совершенствования моделей управления.

Развивается практика «прямого государственного управления» агломерациями путем передачи ключевых муниципальных полномочий субъекту РФ — развитие агломераций используется как очередной повод для такой передачи.

Опережающая разработка схем территориального планирования и пространственного развития агломераций в сравнении с комплексными концепциями и стратегиями развития агломераций — недостаточный фокус на институциональной интеграции, стимулировании экономического развития.

Декларативный характер большинства межмуниципальных соглашений о сотрудничестве. Межмуниципальное сотрудничество в большинстве агломераций сводится к ассоциативным формам, а деятельность — к информационно-консультационной, в т.ч. согласованию документов стратегического и территориального планирования.

Практика формирования межмуниципальных хозяйственных обществ в агломерациях не развита: существующие примеры не затрагивают территории агломераций и касаются, как правило, взаимодействия муниципального района и поселения на его территории.

Стратегии и концепции развития агломераций не используют формат разработки документов стратегического планирования на часть территории субъекта РФ в соответствии с Федеральным законом 172-ФЗ.

В заключительном докладе д.э.н., профессора В.Э. Гордина (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») и менеджера лаборатории экономики культуры А.К. Поломарчук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») на тему «Особенности кластерных эффектов в сфере культуры» был проведен комплексный анализ культурных кластеров. К их целям отнесены следующие характеристики: производство совместных культурных продуктов, повышение посещаемости входящих в него резидентов, создание более комфортных условий для посетителей, улучшение логистики потока посетителей, повышение эффективности работы и доходности резидентов кластеров. Состав резидентов кластеров включает в себя организации и учреждения культуры; организации, содействующие созданию и потреблению культурных продуктов. Основными благополучателями от создания культурных кластеров являются туристы, местные жители, резиденты культурных кластеров, сервисные предприятия, девелоперы.

Авторами подробно проанализированы эффекты от кластеризации деятельности учреждений культуры. К ним относятся повышение коллаборативности между различными организациями культуры, создание условий для совместных культурных событий городского и национального масштаба; создание бренда отдельного кластера, усиливающего бренды индивидуальных кластеров отдельных резидентов; кобрендинг между резидентами культурного кластера, появление возможности системного создания и продвижения совместных культурных продуктов резидентов культурных кластеров, формирование и регулирование потоков посетителей в целях повышения аттрактивности резидентов культурного кластера, повышение уровня комфорта городской среды, повышение результативности деятельности организаций культуры — резидентов культурного кластера.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovstev

*PhD (economics), research fellow in the International Center for Socio-economics Researches “Leontief Center”, professor of National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia
zao-and@yandex.ru*

“REGIONAL ECONOMY AND REGIONAL POLICY”: THE 20TH ANNUAL INTERNATIONAL CONFERENCE FROM THE CYCLE “LEONTIEV’S READINGS”

Summary. The paper provides an overview of the 20th annual conference from the Leontief Readings series on the issue of Regional Economy and Regional Policy, which took place on September 10–11, 2021. Great interest was aroused by the report of the renowned expert in economic geography N.V. Zubarevich, which considered the consequences of Covid-19 for the regions of Russia. The conference participants paid a lot of attention to demographic problems. The focus of attention here turned out to be the speech of Yu.V. Latov, in which he convincingly showed the ineffectiveness of demographic policy. In the poorest region of Russia — the North Caucasus Federal District — the largest natural population growth, and, on the contrary, in the rich Central Federal District, it is the smallest. The speaker proposed to stimulate the birth rate in successful families. The problems of households and the stimulation of the birth rate were also discussed in the reports of R.M. Nureev and E.A. Kapoguzov. These researchers adhere to significantly different, in comparison with Yu.V. Latov, positions. L.E. Limonov and M.V. Nesena revealed a picture of the evolution of cities throughout the history of Russia. V.L. Tambovtsev analyzed the application of the institutional approach to regional development strategies. P.A. Orekhovsky proposed new evaluation criteria when compiling a rating of Russian regions. E.A. Kolomak noted that migration within Russia goes from the periphery to the center, from the east to the west, and from regions with an extractive industry to regions with a manufacturing industry. S.P. Zemtsov presented a study of the distribution of entrepreneurial activity by regions of the Russian Federation, and A.I. Puzanov introduced the conference participants to the socio-economic development of urban agglomerations. The conference ended with a report by V.E. Gordin and A.K. Polomarchuk on cultural clusters and their features.

Key words: *regions, cities, agglomerations, clusters, migration, demography.*

JEL: R50, R53, R58, Z1.